

ЭКСПЕДИЦИЯ: ПОЛЕВЫЕ ИЗЫСКАНИЯ — ИСТОКИ РОДНОЙ РЕЧИ

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ В БРЯНСКИХ ГОВОРАХ (на материале наименований лиц)

Ю.В. Седойкина

Кафедра теории и истории русского языка
Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского
ул. Бежицкая, 14, Брянск, Россия, 241036

На материале лексики наименований лиц брянских говоров изучаются лексико-семантические связи, исторические пласты, способствующие раскрытию истории брянских говоров в ареальном аспекте. Выявлены элементы заимствований из белорусского и украинского языков.

Ключевые слова: ареальные связи слов, лексико-семантические диалектизмы, близкородственные языки, переходные говоры.

Брянские говоры в истории русского языка занимают особое место, обусловленное их территориальным положением, «извечным» активным взаимодействием на различных уровнях с близкородственными белорусским и украинским языками и их говорами. Изучение этих говоров особенно ценно для углубления научных представлений о понятиях «смешанные» и «переходные» говоры, о характере границ между ними.

Сопоставления строятся на показаниях различных словарей восточнославянских языков и говоров. Данная проблема в отечественной диалектологии стала особенно активно изучаться с конца XIX в., хотя отдельные замечания в этом плане высказывались уже в первой половине века (И. Вагилевич, В. Даль и др.) [4. С. 59—60].

А.А. Шахматов, говоря о границах между великорусами и белорусами, подчеркивал приближенность этих границ «в виду существования многих смешанных и переходных говоров» и, ссылаясь на Е.Ф. Карского, указывал на существование в прошлом этих границ, в частности, по р. Десне, разделявшей восточную, занятую великорусами, и западную часть Брянского и Трубчевского уездов бывшей Орловской губ., занятую белорусами. При этом ученый подчеркивал приближенность этих границ «в силу существования многих смешанных и переходных говоров [17. С. 128—129].

Вопросы членения говоров в XIX в. и в начале XX в. решались, как правило, на материале фонетики и частично грамматики. Лексические же данные для этих целей почти не привлекались [4. С. 55—57].

Современная русская диалектология располагает тремя лексикографическими трудами, посвященными описанию брянской лексики: «Словарем народных говоров Западной Брянщины» П.А. Расторгуева (СР), «Словарем брянских говоров» (СБГ), составленным коллективом ученых Санкт-Петербургского педагогического университета, и «Брянским областным словарем» (БОС), плодом многолетнего труда ученых Новозыбковского учительского, затем педагогического института, впоследствии продолживших работу в составе переведенного в Брянск вуза (ныне университета). Богатый лексический материал этих словарей требует всестороннего научного осмысления.

Ареальный аспект изучения диалектной лексики способствует реконструкции истории словарного состава, уяснению степени значимости и времени возникновения того или иного слова в языке, путей его миграции, характера взаимодействия граничащих друг с другом языков — задач исключительно сложных. Ф.П. Филин так определял некоторые из этих сложностей: «...Хотя русские говоры и очень близки друг к другу, все же не следует преуменьшать запасы локальных речевых средств в русском национальном языке, особенно в лексике. Диалектных слов, значений и употреблений слов, фразеологизмов имеются сотни тысяч. К этому нужно прибавить не поддающиеся никакому учету диалектные семантические структуры слов, диалектные лексико-семантические группы слов» [15. С. 26].

В условиях неравномерной представленности памятников письменности на разных русских территориях ареальные сопоставления в некоторой степени компенсируют этот объективный недостаток. Ф.П. Филин в этой связи писал: «Мы не должны недооценивать возможностей реконструкции лексической географии прошедших эпох на основе сравнительно-исторического и иных методов изучения истории языка и будем такими возможностями пользоваться» [16. С. 518].

К настоящему времени накоплен богатый лексикологический и особенно лексикографический материал по русской диалектной лексике, позволяющий делать более или менее обоснованные выводы о территории возникновения и путях миграции тех или иных групп слов или отдельных лексических единиц. Тем не менее пока «мы не можем претендовать ни на хотя бы относительную полноту наших наблюдений, ни на одинаковую точность наших реконструкций», что, однако, по мысли ученого, не лишает историко-лексикологические исследования их «первостепенного значения» [16. С. 519].

Брянские наименования лиц, известные белорусскому языку. Взаимодействие брянских говоров с белорусским языком, судя по их лексической общности, в течение многих веков было очень активным. В группу белорусизмов в брянских говорах, в частности, входят: *бубен* «перен. пустослов, хвастун» [8, II. С. 17], *латрыга* «бездельник, плут; человек, который не прочь и взять что-н.» [9. С. 148], а также другие слова.

Переносное значение слова *бубен*, несомненно, развилось из прямого — «ударный музыкальный инструмент». Слово в переносном значении имеет на рус-

ской почве значительно меньшую распространенность, чем в прямом. СРНГ указывает только на Обоянский курский говор [11. III. С. 232]. Лексема *бубен* в переносном брянском значении отсутствует в украинском языке (СГ и РУС его не фиксируют), но в белорусском известен как слово литературное, разговорное, как синоним к словам *ворчун* и *бормотун* [5. С. 435].

Обращает на себя внимание наличие корневых образований в белорусском и украинском языках: бел. *лотра* «прост., бран. (о мужчине) лодырь, лентяй, бездельник; (о женщине) лентяйка, бездельница» [5. С. 565], укр. *лотр* «вор, разбойник, грабитель, бездельник, плут, негодяй» [11. II. С. 378]), совр. укр. диал. *лотр* «разбойник» [8. С. 983], диал. *лотра* «развратница» [12. II. С. 378].

М. Фасмер предполагает появление слова в русском через белорусский и украинский языки, в которых — через польское *lotr* «плут, злодей» или чеш. *lotr* «бандит, негодяй» — из ср.-в.-нем. *Loter* «легкомысленный» [14. II. С. 523]. Вполне возможно, что на русскую почву слово проникло как раз через соседние брянскую или смоленскую территории. Семантическая составляющая слова естественно «расшатывалась», расширялась (ср. семемы слова в донских говорах). Семантическими инновациями сопровождалась инновациями формы (фонетическими, морфемными), что вполне соответствует теории «лингвистической непрерывности», «теории волн» Иоганна Шмидта. Кроме того, направление движения слова на восточнославянской территории подтверждается и фактом усложнения структуры слова на русской почве, появлением словообразовательных суффиксов *-ыз-*, *-ан-*: известно, что в соответствии с одним из принципов лингвистической географии слово, имеющее словообразовательный аффикс, возникло позже корневого слова [6. С. 144].

Брянские наименования лиц, известные украинскому языку. С украинскими землями, как и с белорусскими, Брянщину связывают очень давние, можно сказать, исконные, языковые, культурные, этнографические, административно-политические и иные отношения. Поэтому обнаруживаются активные взаимные заимствования между этими близкородственными языками.

Дядина «тетя, жена дяди» [10. V. С. 52; 1. С. 99]. На русской почве слово известно в таком же значении в обоих наречиях, но преимущественно в северных волог., арх., печор., помор., олон., новг. говорах. Из южных СРНГ указывает только на смол [11. VIII. С. 306]. Именно по этой причине мы полагаем, что в западных русских говорах слово закрепилось не без влияния украинского языка [12. I. С. 461]. В белорусском языке слово не отмечено.

Тюхтэй «увалень, неповоротливый, ленивый человек» [10. С. 265]. Приводимые В.И. Далем глагольные формы нижегородских говоров *тjохтить*, *тjохтjачить* «хлебать, есть много, долго, медленно» [3. IV. С. 452] в какой-то мере проясняют мотивацию слова. Кроме того, в брянских говорах известен глагол *тjохать* — тяжело ходить [1. С. 346]. В Словаре Б.Д. Гринченко: *тjохтjий* — увалень, тяжелый на подъем [12. IV. С. 300]. Чередование [i] с [e] в украинских и русских соотносительных морфемах, как известно, имеет регулярный характер и свидетельствует, как правило, о древнерусской праформе h. В бел. в значении «увалень» известна иная словоформа — *гультай* [5. С. 344].

Молодік «молодой парень, жених» [1. С. 208]. То же в смоленских, а также в саратовских говорах [11. XVIII. С. 224]. В укр. разг. *молодик* — юноша, холостой мужчина [8. С. 498], «1. Молодой, неженатый человек. 2. Молодой месяц, первая четверть луны, новолуние» [12. II. С. 441]. В бел. совсем иное, чем в брянских говорах, но тождественное второму из украинских значений: *маладзік* — молодой месяц, луна в первой четверти [5. С. 570]. У В.И. Даля без терр. пометы «молодик» — молодой месяц [3. II. С. 333].

Определяя источник заимствований, мы исходим не из общности корня в соответствующих словах близкородственных языков, а из полного совпадения состава морфем и семантики сопоставляемых слов. Только такие образования, на наш взгляд, могут быть надежным свидетельством действительного заимствования того или иного брянского слова из близкородственных языков. Так, нет оснований считать брянское *лотра* «развратница» заимствованием из белорусского языка, поскольку совпадение лексемы не подкрепляется совпадением семантики слова в обоих языках. Аналогична ситуация с украинским *лотр* «вор, разбойник, грабитель, бездельник, плут, негодяй», которому в брянских говорах соответствует *лотрыга* «бездельник, плут; человек, который непрочь и взять что-н.». В этом случае также приходится предполагать собственно брянское происхождение слова «лотрыга» на основе слова, бытующего в белорусском языке.

Таким образом, даже этот количественно незначительный материал позволяет увидеть исторические пласты брянской лексики, отражающие разные эпохи и направления влияний на них и пути формирования генетически собственного брянского лексикона. Часть этого брянского лексикона восходит к эпохе древнерусского языка, другая — результат поздних лексико-семантических преобразований восточнославянского корнеслова («лотрыга» и др.). Украинскими по происхождению являются слова: *дядина*, *тютёй*, *молодік*. К белорусским заимствованиям в брянские говоры относим *бубен*, в котором план содержания и план выражения *полностью* совпадает с белорусским словом.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Брянский областной словарь / Отв. ред. Н.И. Курганская. — Брянск, 2007.
- [2] Большой толковый словарь донского казачества. — М., 2003. (БТСДК)
- [3] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В I—IV т. — М., 1995. (ТСД)
- [4] *Макаров В.И.* Становление восточнославянской диалектологии как самостоятельной науки. — Киев, 1995.
- [5] Новейший русско-белорусский и белорусско-русский словарь / Авт.-сост.: З.И. Бадевич, Ж.Е. Белокурская, Н.А. Борковская. — Минск, 2007. (НРБС)
- [6] Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. — М., 1973.
- [7] Опыт областного великорусского словаря / Под ред. А.Х. Востокова. — СПб., 1852. (ООВС)
- [8] Російсько-український словник / За ред. В.В. Жайворонка. — Київ, 2003. (РУС)
- [9] *Расторгуев П.А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины (Материалы для истории словарного состава говоров). — Минск, 1973. (СР)
- [10] Словарь брянских говоров. Вып. 1—5 / Под ред. В.И. Чагишевой, В.А. Козырева. — Л., 1976—1988. (СБГ)

- [11] Словарь русских народных говоров. Вып. 1—29 / Под ред. Ф.П. Филина и Ф.П. Сороколетова. — М.-Л., 1965—1995. (СРНГ)
- [12] Словарь української мови: В 4-х т. / Ред. Б. Гринченко. — Киев, 1907—1909. (СГ)
- [13] Українсько-російський словник / Відп. ред. Л.С. Паламарчук, Л.Г. Скрипник. — Київ, 1985. (УРС)
- [14] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. — М., 1964—1973. (ЭСФ)
- [15] *Филин Ф.П.* К вопросу о так называемой диалектной основе русского национального языка // Вопросы образования восточнославянских национальных языков. — М., 1962.
- [16] *Филин Ф.П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. — Л., 1972.
- [17] *Шахматов А.А.* Курс истории русского языка. — СПб., 1910—1911.

BORROWINGS FROM CLOSELY RELATED LANGUAGES IN BRYANSK DIALECTS (on the basis of people's names)

Yu.V. Sedoykina

Bryansk State University named after academician I. G. Petrovski
Bezhitskaya str., 14, Bryansk, Russia, 241036

On the base of personal nominations in Bryansk dialects the article deals with lexical and semantic ties and historical layers enabling to reveal the history of Bryansk dialects in the area aspect. We find elements of borrowings from genetically close Byelorussian and Ukrainian languages and retrace the relationship between Bryansk lexis and lexis of dialects and dialect groups of the Russian language.

Key words: area word relationships, lexical and semantic dialect words, genetically close languages, transitional dialects.